

Андрей Наврозов

Страшная красота

k

NINA KARSOV
London

СТРАШНАЯ КРАСОТА

Андрей Наврозов

СТРАШНАЯ КРАСОТА

СТИХИ ИЗ ПЕРЕВОДНОГО РОМАНА



London

Andrei Navrozov: STRASHNAYA KRASOTA
Stikhi iz perevodnogo romana

First published in 2004 by Nina Karsov
28 Lanacre Avenue, London NW9 5FN, England

Copyright © Andrei Navrozov 2004

The right of Andrei Navrozov to be identified as the author of this work has been asserted in accordance with the Copyright, Design and Patents Act 1988

All rights reserved

British Library Cataloguing-in-Publication Data

A catalogue record for this book is available from the British Library.

ISBN 0 907652 49 2

Printed by HenDi, London
Bound by Marba Limited, London

Что делать страшной красоте
Присевшей на скамью сирени...

– Борис Пастернак

Ольге Сергеевой

Chatillon-Paris

Веселый вечер в ресторане „Rendez-vous”:

Бутылка вина, я, и еще бутылка.

А то, что я и во сне тебя зову,

Так ты это выслушаешь с ухмылкой.

Ну, как всегда, когда жизни приступ

Замедляется до просто боли,

Как всегда, когда та аферистка

Перекрашивается под Олю.

Как теперь, когда нежности иней

Затянул как корсетным шнуром

Все подворья, где горе я вынес

Из объятий твоих, и добром

Расплатился сполна за несчастье,

За убогий разлад наш и хмель,

За поэта постылую властность

И проклятый Отель Рафаель.

Проездом по пути из Генуи в Лондон. Шатильон недалеко от швейцарской границы. Hotel Raphael известен как самое удобное в Париже место для тайных встреч.

На дискотеке

Человеческой злостью я не слишком отравлен.
Были люди похуже в веках поглубей.
Не крупницы ли то христианской морали
Что дрожат на цепочках меж влажных грудей?

Бездумней автострад ненужных картам,
Бездарней дневников, что ты вела со мной,
Беда моя! Ты вечно за той партой,
Где бронза кос и гомон как в пивной,

Где лущат семечки, как будто от испуга,
Где юмор пуст, как полная луна,
Где муж с женой не говорят друг другу,
Что их уста – как лопнувший гранат,

О властелин мой! О моя царица!
Живот библейский, как небесный свод...
Тут точат лясы. Им всем срочно в Ниццу.
Мож потанцуешь? Завтра Рождество.

Подруга

Вместо могилы отца поедemте в Канны:
Все обманщицы мира в мае бывают там.
Ну, а как его, этот, писателишка твой драный,
Пусть он морду кривит, мол, что всё суeta.

Вот и морда, поди, вся от слез и распухнет.
Пусть кричит, как всегда, что актрис нужно сечь.
Пусть кричит, как всегда, „Манекенщицы шлюхи!
Упаси нас всевышний от нечаянных встреч!”

Я тебе говорю, не будь дурой, киска.
По мне вшистка едно, что коммунист, что христианин.
Они у меня во где сидят, ты знаешь я с Минска,
Неудачники эти, евреи, Господь прости.

А главное что́, хоть вечные голодранцы,
Но канючить умеют, мол, всё им не так,
То не тот декольтаж, то не надо во Францию,
То клошару бросают последний пятак.

А твой ещё и заглядывает в casino.
Нашелся мне тоже, Гарун аль Рашид!
Таких просто вешать, хоть на первой осине.
Я тебе говорю, он случайно не жид?

Ну и что, что недавно отец. Все там будем.
Да какой он писатель!.. Сначала в Париж,
Отдохнем, отоваримся, будут классные люди.
Одиночество? *Киска, что ты говоришь?*

Отец её умер в конце марта, на похороны она не успела. Весной она поехала с друзьями на кинофестиваль, а потом на Гран-при в Монако.

Голубой ангел

Ну, а кроме того, – на земле весна.
Это ж надо такое выдумать!
Говорят ещё: доверяясь снам,
Принимаешь желаемое за видимое.

Говорят ещё: сам виноват.
Не надо было так глубоко залазить.
Но разве Сена – всё та же Нева?
Разве слёзы – всё те же алмазы?

В Париж мы, конечно, не едем летом.
Говорят, ты была здесь и без меня.
Говорят, ты нашла здесь те сигареты,
На которые стоило жизнь менять.

Променять первородство на пачечку жвачки,
На две пары чулок, на пять тысяч рублей?
Ну кури же, кури! Да смотри, не запачкай
Пеплом крыльев своих кружева à l'anglais.

Пять этюдов

Ты мой Альфред, лорд Дуглас.
Злой и жадный мальчик.
Подойди-ка сюда и стань в угол.
Говори, как будем жить дальше?

Ты моя Джульета, урожденная г. Верона.
Только что-то я разлюбил твое пение.
Можешь, конечно, приблизиться к моему трону,
Пасть на колени, просить прощения.

Ты моя Корделия, опять из Шекспира.
Ничего? Говоришь, ничего? Ничего и баста?
Эх ты, нигилисточка! Ведь жалко же Лира.
У него и так всё болит, а тут вот ещё здрасьте.

А не тот ли ты Альфред, что любил Виолету?
Как ловко этого фраера обманывает порок.
Помнишь, голова к голове мы читали либретто...
Тогда я не знал ещё, что ревность – это пророк.

А может, ты моя бледная Беатриче,
У которой и спрашивать-то ничего не надо,
Потому как нет её, – есть лишь притча
О мужчине, возвращающемся из ада.

Зодиак

На двадцать втором полустаночке,
На двадцать втором километрикe,
Я сошелся с одной куртизаночкой,
Что числилась Львом по метрике.

На двадцать втором месячишке,
По двадцать две тыщи каждый,
Она смоталась к мальчишке,
Который глотал кур заживо.¹

Было на то двадцать две причиночки,
Двадцать две отговорочки, двадцать две лжи.
Лучше раз почувствовать холод финочки,
Чем всю жизнь на чувстве точить ножи.

Любила ль? Двадцать две догадочки.
Жалела ль? Двадцать две дверцы.
От раичка и до адочка,
По лабиринту сердца,

Шагов двадцать два, да все ощупью.
На каждом – особая дверь.
Я не знал, что веревка навощена.
Я не чуял, что Лев – это зверь.

Дверей двадцать две, но все заперты.
На каждой – висячий замок.
Я не думал: стоять мне на паперти?
Я не знал, что зверь – это Бог.

¹ Амер. *geek*. Ярмарочный затейник, за небольшое вознаграждение откусывающий головы курам и другой домашней птице.

В. Р.

Ты мне ничего плохого не сделала.
Тебя за это нужно благодарить.
Я держал в руках тебя почти целую,
И смеялся, держа тебя как пари.

Тело нежное, фото южное,
Как поется в песне о лагерях:
Всё мне нужное, ненатужное,
Проиграли мы в пух и прах.

Вместо ласки, ты пошла по миру.
Вместо любви, каприз да извив.
Что же, может, наш столик ломберный
Слишком тесен был для двоих.

Может, ещё повезет тебе с кем-то:
Банкирская нежность, она не всегда травести.
E allora, stai calma. Muoviti lentamente.
За нас фортуне мне ещё долго мстить.

Итал. „Спокойно, не суетись”. Ту зиму В. Р. провела в Палермо.

Страшная красота

Красота – это форма язычества.
Посмотри, её кровь – с молоком.
Посмотри, её груди как бычаты.
Ну смотри же, смотри же, на ком

И сандалий сидит, как улитка на репе,
И монисто лежит, как роса на траве:
Эти бедра в шелку, эти талии в крепе,
Всё на место встает, будто Ветхий Завет

Шевельнулся скотиной, и потною шеей
Подперев небосвод, словно стену шатра,
Встал, как солнце, где море Европу лелеет,
А из Индии ветер ей подносит шафран.

Il mare. Il male. Тут урок чернозёмный.
Посмотри на красавиц, что играют в Марий.
Это всё лишь игра. Они знают язык фараонов!
Тот, кто это не видит, вовеки не будет любим.

Итал. „Море. Зло.”

Признание

А ещё между нами пролегла вера,
Истеричная, быстрая, стройная тень
Танцовщицы, с утра становящейся к барьеру,
Художницы, до вечера не признающей лень.

В её цепких объятьях я просыпался
От тоски по тебе, ослепшим от слёз,
И, как ни рыпался, как ни старался,
Всё, что я видел, был лишь симбиоз

Смерти со смертью в постыдном поступке,
Смерти со смертью в азартном дыму.
Так и залезла ко мне в проститутки
Вера во что-то. Во что, не пойму

И сейчас, хоть убей. А ведь в этом вся повесть:
За единственный волос с подушки твоей
Я бы предал и веру, и брата, и сердце, и совесть,
За бретельку от майки, за тесьму от туфлей,

За один поцелуй, был он мой или не был,
За загробную жизнь, что с тобой проведу,
За один только шанс, что, решив этот ребус,
Ты позволёшь и скажешь: я скоро приду.

Кокаин

1.

Когда угаснет этот чёртов Юрьев день,
Любовь моя, на гранях дикой ночи,
Что ставит мысли как бы набекрень,
Не становясь при этом ни на миг короче,

Тем мыслям угорелым будет ход
Прямой в небытие, куда и нам дорога:
Я – твой фитиль, что свет уж не дает,
А ты – мой воск, даёшь, но понемногу.

И всё-таки наш путь неисследим:
Не то дорогой он лежит, не то дорожкой.¹
Кто знает, может, я прозрею, как Эдип,
Когда уснёшь в часовенке острожной.

Дорогой ли ведет, дорожку ли торит
Судьба, запорошив глаза, как мелом,
Не правда ли: пока свеча горит,
Не нужно воли, и не в свете дело.

2.

Без меня не делай этого.
Погоди, разве не хочется
Беззащитного, раздетого,
Без фамилии и отчества,

Прикрепить к себе улыбкою,
Повязать подвязкой шелковой,
Чтоб, как камень в место глыбкое,
Провалился он? Да толку ли,

Я и так в тебе запутался,
Муж мой беспорочный...
Не на то ли Бог рабу дал всё,
Кроме икр в чулочках?

Мной ещё ты наиграешься,
Переводчица! Жрица фаллов,
Будет нам под кущами рай ещё,
Как в далеких оригиналах!

Об одном молю, как неумняемый,
В час столь неурочный...
Ты не делай без меня его,
Он же лишь подстрочник.

3.

По весне ты порошок
Уж не трогала:
Знать, жилося хорошо,
Хоть и впроголодь.

Не было забот у нас
Как об истине:
Докопаться бы до дна,
Шурша листьями.

Два ежа в одной норе,
Тепленькой и ветхой:
Теремок потом горел,
Треща ветками.

Вот и обернулась нам
Искренность – пожаром!
Слава Богу, шла весна:
Рядом ельник старый.

¹ Англ. *line*, на языке наркоманов „дорожка” кокаиновой пудры, означает „строка”, в том числе стихотворная. Пудру подсушивают на свече.

Ночной паром

Я все детство мечтал к тебе ластиться.
Я тебе говорил, дорогая?
Ты стояла в ситцевом платъеце,
Коса бубликом Гирландайо.

Я всю жизнь искал улыбку твою коровью,
Понимаешь ты это или нет?
Я сейчас истекаю слезами, как кровью.
Ты хоть слово скажи в ответ.

Всю жизнь слышал где-то твой смех нечастый.
Понимаешь меня, дорогая?
Нет страшнее судьбы для меня, схоласта,
Чем изгнание из всех книг о рае.

Всю дорогу я думал о твоём теле.
Скажи, ведь неделимо оно?
В смысле, что страсть никогда не делит
Правду на аргонавтов и на руно.

Скажи, ведь оно неприкосновенно?
Какой мощный пульс! Будто рыба об лёд.
Я коснуться хотел его ночью и днём,
Я об этом мечтал всю ночь напролёт.

Жатва

Ты мне не нужна такая чужая.
Такой чужой я тебя не хочу.
И солнце винят в нелюбви к урожаю,
А душевнобольного – к врачу.¹

Зачем мне нужен чужой собеседник?
Я от мира и так отчужден.
К чему же провинциальные бредни
Легиона по имени Джон?

Зачем, если трогали тебя другие?
Зачем, если чужие тебя манят?
Уникальное русское слово *брезгливость*
Означает: „Оставь меня”.

Зачем мне иные губы и плечи,
Зачем неприкаянный посторонний!
К чему твой взгляд мне? Он человечен.
Мне нужен – потусторонний.

¹ „Невротик – это тот, кто не сдался в борьбе за личность.” Эрих Фромм

Басни

У Мэри была маленькая овечка.
Маленькая овечка была у Мэри.
Соврешь ещё раз, хоть на полсловечка –
Мы тебе никогда не поверим.

Ты говоришь – я есмь овечка Мэри.
Ты говоришь – сегодня день погожий.
Но мы тебе уж больше не поверим.
Верить тебе мы больше уж не можем.

Ты говоришь – за деньги я не буду.
Ты утверждаешь, что брюнетка – здрасьте!
Тебе не верим, хоть ты бей посуду.
Тебе не верим мы, как ты ни красься.

Ты говоришь – я буду жить одна.
Ты говоришь – а ну их всех в болото.
Наивная! На улице весна.
Неужто жизнь есть лучше у кого-то?

Ты скажешь мне – расстанемся любя.
И, после лживой фразы о карьере, –
Что самый страшный страх есть страх себя.
Вот тут тебе мы, может, и поверим.

Флоренция

Ты помнишь наши прогулки в саду Корсини?
А может тебя тогда со мной ещё не было?
Я сказал, что никогда не вернусь в Россию.
Именно этого ты у меня и потребовала.

Тут холода уходят за горизонт.
Тут от кокаина немеют гланды.
Зачем же подельник, зачем ШИЗО,
Зачем мне сладкая горечь баланды?

Тут Донателло меня задержал,
Тут Данте грамотно провел обыск,
А там мне, как суке, без багажа,
В раю свеженаклеенном на глобус

Переть по шпалам. Суток черед,
Полынь, ковыль... Я знаю, что это значит.
Но если ты меня до утра не предашь,
На нашу родину я посмотрю иначе.

Я поеду с тобой. Мертвецов голоса.
В твоём паспорте штамп: НЕВОЕННООБЯЗАННАЯ.
То не любовь, – мне один психиатр сказал, –
А садомазохистская привязанность.

Палермо

Ты мне сирокко, тебе я мистраль,
Так разделим Сицилию поровну.
Ведь тебе я отец, а мне ты сестра,
Так решим же, в какую нам сторону.

Тут и пыль, и песок африканский летит,
И, как виевы веки, закрыты все ставни,
И, как серый омар из рыбацкой сети,
Солнце выползти хочет на ил оловянный.

Ставни все заперты, их закроем и мы,
Как водилось в минуты забвенья,
Когда простынь подушку хотела омыть,
А рубашку предать погребенью.

Как пустыня, просторно проляжет постель,
Разделенная надвое ночью, как в Газе.
Тут арабский бордель. Там Христа колыбель.
Вот и снайпер, аттической тенью на вазе.

Blakes Hotel

Только начинаются твои мытарства.
Даже осень вон играет в круговую поруку.
Видимо, ты думаешь, это рыцарство –
Утопающему предлагать не руку,

А соломинку? За то вот и сослана
В то чистилище, где давно не была:
Карельскими елями, сибирскими соснами
Да укрепится твоя кабала.

У меня во рту грусти вкус латунный:
Вспоминаю перекись в волосах твоих.
В телефонной трубке звенит L'Autunno
Вивальди... Но вот и косарь притих.

Быть тебе премудрой да бездетной,
В шелк обутой, но одетой в прах,
Вечной странницей желтобилетной,
Что у вечной праздности в гостях.

Испытаешь это на своей ты шкуре,
Вспоминая как из кожи вон я лез:
У безумцев нежных есть свой бог, Меркурий.
В честь него и назван дом Hermès.

У живых и мертвых разные обычаи:
С нарочным гостинцев мертвые не шлют.
Видимо, ты думаешь, это верх приличия –
На банкрота шее поправлять петлю?

На рассвете

Вся жизнь – твоя, но что ты можешь дать ей,
Пока разлукой мы потрясены,
Как мать – младенцу грудь, как тело – платью,
Как ветер – изумленности весны?

Вот и диван, где ты душила себя пледом,
Давясь от злости, слёз, наивности и лжи,
Как лебедь в темноте, скрывавшей Леду,
Седает, будто зная, что ты лежишь

В чужих объятьях, строгих, как безлюбье
И отчий дом, которому чужда...
Поверь мне: фальшь кино, где голуби воркуют,
И женщина мужчину станет ждать.

О Господи, как это всё непоправимо.
Прямоугольником окна горит рассвет.
В зеркальном шкафчике, как римские руины,
Остатки грима. Может, ты в Москве...

Porto Rotondo

Твой загар пахнет пылью Сардинии,
Миртом, медом, настилом курортных купален,
Средиземноморской идилией,
Белизной занавешенных спален.

Не сказал бы поэт: как при Врангеле Крым.
О, нас всех ожидает слепая безвестность!
Только холод зарниц, да пастушьи костры
В январе осветят каменистую местность.

Но сегодня сентябрь, и приливы тепла
Плавят олово моря и страхи из воска.
На запястье твоём ещё свеже-бела
Ремешка от часов дорогая как память полоска.

Ну прости же, прости. Это ревности след.
Никогда не увидим мы вместе подобных пейзажей.
И шаблонный закат, и роскошный как кодак рассвет,
Всё закончится плохо, скандалом и мелкою кражей.

Троя

А. Петухову

Мне хотелось выкупить тебя. Оптом.
Не хватило терпения, и вообще всё иссякло.
Истрепался словарь. Образ стоптан.
В руках Сотбис шкура Геракла.

Тут, на Западе, деньги выражают героя,
От Немейского льва до коней Диомеда,
Это – эпос, пронизанный мыслью о Трое,
Это – рок, и любовь, и война, и победа.

На первый взгляд – вся забота о сексе.
Как Елена фотогенична! Да, это мой размер...
Но стоит монбланом подмахнуть вексель,
Как чувствуешь: я, это я – Гомер!

И вот, все уверены, что я тебя выдумал.
Все меня уверяют, что ты просто блажь.
Отвечаю: я не бердичевский бидермайер,
Не голливудский маклер вошедший в раж!

Отвечаю. Женщина – это золото инков,
Сережки верб, валюта, мешки пшена,
Самоцветы кашеевы, иконы иноков:
Этим богатством судьба её решена.

Это убоина, груды урюка, уйма, прорва.
Это больничный халат, когда бос и наг.
Это китовый жир, это бусы и ворвань.
Именно этим богатством жива она.

Это волосы, шея и грудь в изобилии,
Как на Крите когда-то, где бык словно рог
Изгибался и брызгал, и лишь простофили
Фрукты видели в россыпях девства у ног.

Вот откуда всемирной истории театральность.
Вот почему балет означает, что быть беде.
Красоты похмелье – единственная реальность.
Все остальное – обывательская дребедень.

Bond Street

Трещиной в изумруд
Входишь в образ давний.
Дышит твоя грудь
Паволокой в камне.

Господи, помилуй
Тело это праздное,
Моего кумира
Благолепие стразовое.

Перистость очисти,
Залечи изломность,
Маслом редких истин
Смажь и вероломство.

Ты же ювелир у нас,
Так придумай способ:
Ведь она ещё юна,
А тут сума да посох.

Если ж не залечишь,
Коли не поможет,
Будет мне мой фэтиш
Пусть ещё дороже.

Известная роскошью улица ювелиров в Лондоне. Изумруды смазывают особым маслом, чтобы не трескались.

Эвридика

С Орфеем рассталась ты не по-дружески.
Есть эмоции, переходящие в старость.
Знаю, в жизни твоей было много ужасов.
К сожалению, всё так оно и осталось.

Вот уж год как ты мною пишешь,
Хоть мертва для меня лишь неделю.
Ключ от чьей-то квартиры в Париже
Как распятие у постели.

Ты мною водила, как школьник пером,
Кляксам мстя за чернильницы честность.
Мне сказали потом: это тестостерон,
Эвридике ж, увы, не воскреснуть.

Но перо всё дрожит, как рука у Гальвани,
Всё скрипит, всё пророчит нам рай в преисподней.
Ну зачем? Искупления нет в расставаньи,
Есть неисповедимость путей господних.

Благовещение

Ты мне виднее в темноте...

– Эмили Дикинсон

Мой разум ослеплён тобой как лилией,
Последний ангел на родной чужбине.
На это ссылка есть в еврейской Библии,
В преданьи об одном слепом раввине.

Буквальное здесь видится иным.
Мы сызмальства плутаем в курослепе,
А лилиям черед, когда мы влюблены
В метафору, что во сто крат нелепей.

О, эта слепота достойна уваженья!
В ней всё: и торжество, и свет, и жалость,
Морская пена и русалок пение,
И шарф на шее, чтоб не простужалась.

Зайди ко мне. Нет, лучше снизойди,
Голубоглазой милостью двуполой.
Войди, войди. Светильник не гаси:
Я всё равно тебя не вижу голой.

Войди, войди. Дыханьем андрогина
Развей сомненья пыль по всей Иудее.
Огонь погас. Треножник опрокинут.
Да, это сон. Действительность страшнее.

Развлечения

Эти развлечения прекратились, когда, уезжая,
она сдала свою миссию заместительнице.

– Борис Пастернак

Нынче грубыми кажутся
мне все женские лица.
Мне все местные лица
хирургии страшней.
Что же делать мне, крошка,
с кем теперь мне водиться?
Что же делать мне, бэби,
в мире серых теней?

Посмотри на нее,
поглазей на нее в ресторане.
Ты не дрейфи, малютка,
Ты увидишь: желанность прелестна!
То не есть красота как изыск,
красота как венчатель стараний,
Это выстрел в посла, это крики в толпе,
Это бегство в ночную известность.

Посмотри на нее,
посмотри на нее как на образ.
Да не бойся ты, детка,
хоть увидишь, что нету стройней!
То не есть красота как престиж,
как обычай недобрый,
Это губы как губы, пойми ты,
и забудь о вранье.

Погляди на нее,
 посмотри на нее хоть однажды,
Не ревнуй, не целуй,
 не пытайся понять.
Видишь скулы? Наверно
 о них грезит каждый.
Видишь бедра? Oh baby,
 ты хочешь их нежно обнять?

Погляди на нее,
 посмотри на нее как на сцене:
Шеи тонкая ветвь да печальная шаль,
 мои серьги в ушах...
Только русский мечтатель
 такую простушку оценит,
И расскажет любовнице правду
 о том, чем она хороша.

Об этой книге

Эта книга сложилась из глаз и волос,
Из превратностей судеб и фоток любимой,
Что кордон эмигрантской тоски прорвало
И сорвало с фортуны печать серафима.

Из распоротой вены, что кровью измен
Орошает сады в непонятной нам сказке,
Розы хлынули. О, им лишь старость близнец,
Лепесткам запоздалым сургучной окраски.

Ты была мне как блудная дочь дорога
Живописной мечтой о бездомном искусстве,
И твою красоту я б сумел разгадать
Скипидаром расчистив всё темное в Прусте.

Мне остался лишь год. Но, чтоб память понять,
Я тебя уверяю, мне года не жалко.
Этой книге разложенной быть без вранья
На клеенке в приемной у юной гадалки.

Призмой нежности будет разложен на спектр
Весь пасьянс молодых королей и валетов,
Поглотивший тебя и, как Невский проспект,
Станет линией жизни в ладони поэта.

До меня доходят самые разные слухи.
Закрываю Евангелие и внимательно всё выслушиваю.
Четыре утра. Светает. Фонари тухнут.
Я пью коньяк, опираясь на валик плюшевый.

Лесбиянка ли ты? Как Павел параноидален.
Ты опять на панели? Как сладок коньяк.
Неужели всё, за что мы вместе страдали,
Извертилось в слух, превратилось в яд?

Неужели всё, за что мы вместе боролись,
Как говорится, – пошло насмарку?
Неужели мы с тобой просто играли роли
В фильме, где Вертер влюблен в доярку?

Я вспоминаю как ты бежала из церкви.
Была Пасха. Я умолял тебя выстоять.
Ты укрылась в машине. И свечи померкли.
И все разошлись. Я всё думал, ты чистая.

Да, теперь понимаю. Тебе наплевать
На всех этих Ницше, Матфеев, евреев, Пилатов.
В самом деле, почему не поехать в Ливан,
Где все толстосумы, в Дубай, в Эмираты?

Ведь наша культура есть то, что стоит
Меж нами людьми и животными Брема.
Найдешь ли ты счастье? Корову дои,
Свинью накорми, но не в этом проблема

Для нас человек. Седает восток.
Я знаю, я грешник. Я завтра раскаюсь.
Я верю в чудесное. Верю и в то,
Что нам принесет нашу девочку аист.

Гололедица

Я влюблен в твое духовное ничтожество,
Я влюблен в эту страшную нищету чувств:
Не клоунада это, не скоморошество,
Именно черствость в тебе я чту.

Как лондонский таксист послушный,
Отельный клерк, больной звездой кино,
Поэт пропащий и игрок непрushный,
Птица, так и не свившая гнездо,

Твоим словам недобрым внемлю,
Из уст твоих неправду пью.
Грубее, жёстче, тверже кремня
Каменный век в чужом краю.

Но ни тебя, ни родины не выбирал я.
Генетика и шанс за гололёд ответят,
А белоэмигранта театральный
Роман с огепеушницей в берете

Закончится как начался, пригоршней лжи,
Крупной и серой, точно соль на приисках,
Буза илецкая, по Далю. Побожись,
Что хоть на час меня считала близким.

Постскриптум

Иль это только снится мне...

– Александр Блок

Опять бродить мне по улицам древнего Рима:
Тут аукнется платья подол, там шаги отзовутся,
Своенравный хозяин харчевни хмыкнет ранимо
И бесхозная полночь, как нищий, поежится куцо.

Когда-то Рим и я тебе как власть принадлежали
И полночь была делом совершенства рук твоих.
Может, как раз сейчас бы ты ко мне прижалась,
Вспомнив о елей вечной кабале и гнёте пихт.

Как гулки эти улицы в предместьях одиночеств.
Булыжный камень здесь так безнадежно сбит.
Зачем, любовь свою так тупо опорочив,
Ты мне всё видишься в окне, где совесть спит?

Зачем мне грезишься у дивных тех фонтанов,
Что мрамором фигур увиты, будто хмелем?
Ведь всё закончилось у нас. Девичьи станы
Все раскулачены. Двадцатый век расстрелян.

Пенелопа

P.

Как нитка жемчуга, что верная жена
Цирцее шлет из итальянской дали,—
Так дело было? — ты была сохранена.
Потом мы вместе эту вещь продали.

На грохот алюминиевых кастрюлек,
На фишки в казино и ласки лень спросонья,
На терпкое сухое из Фриули,
На tutto quello che tu hai bisogno,¹

Разменян был заветный редкий жемчуг,
А в Итаку и телеграмм не слали.
Вооружившись сковородкой семечек,
Сказала ты: нас просто обокрали.

Вот так и мы, матоворозовые сферы,
В связке, что нам случайность подарила,
Разобщены, пока улыбка лицемера
Не превратит в свиные наши рыла.

Вот и решать нам, кто из нас грязнее,
Тусовщик круче кто, кто менее раним.
На ситуацию теперь смотрю извне я:
Улисс – твоя утрата. Мною он храним.

Итал. „всё, что может тебе понадобиться”. Friuli, область северной Италии,
знаменитая винами Мерло.

Разговор с цыганом

Паскалю, Пете и Лиле

У меня не осталось ни книг, ни писем.
Я живу на квартире у старой чиновницы.
Продаю всё, что есть, мельхиор, лом и бисер,
Нимало не размышляя, чем всё закончится.

Тут самое удивительное — ночная акустика.
Кровать нема, как стяжатель у Данте.
Ванна суха, как язык. Да, это грусти кайф,
Ловимый всем рискующим педантом.

Тут больше Достоевский, чем Стендаль.
Что нужно цыгану? Лишь чай да конокрадство.
Туда, туда! Но там, где свеж миндаль,
Обращает он иную сущность рабства.

Я в это свято верю и, клянусь, смогу
Здесь умереть, как динозавр в слое торфа:
Лучше в богатом формой жёлтеньком стогу,
Чем в бархате, венецианском, но аморфном.

Дар

Я не говорю *да простится вам* или
будьте вы прокляты, я говорю
вы умираете.

– Гобино в письме Токвилю

Вот и прикинь: она ко мне вернулась.
Цикличность в жизни есть, как в дереве смола.
Как слухом о войне мятежный мўлла
Я ею поглощен, благослови Аллах.

Захват имущества, хищенья сплошь и рядом,
Насилье, горький плен и беспробудный сон:
То возвращенья вечного обряды,
Пока обман жестокий невесом.

И дачный чай, и в зарослях крапивы
Пропавший мяч, и порванный волан:
Мы детство вышиваем кропотливо,
Чтоб воссоздать желаний кружева.

Не говорю тебе, *мой друг, ты виновата*.
Не говорю тебе, *О невиновна ты*.
Я говорю: эмалью циферблатов
Залиты подорожные цветы.

Я говорю: мой друг, ты умираешь.
Я говорю: сестра, тебя уж нет в живых.
Шопен, души зеркальностью играя,
Не сочинил грустнее бы мотив.

Я говорю: она ко мне вернулась.
Тому причины гнев и бескорыстье,
Блатная совесть и девичья дурость,
Цветы жасмина и березы листья.

Я говорю: мне видятся в колодце,
В воде, что в полночь звёздна и сладка,
Любовь, которая не запросто дается,
И женственность не в розницу с лотка.

Голос

Б. М.

Меня ты к жизни приучил,
Испанка пела на кассете.
Зачем тебе мои ключи?
Меня же больше нет на свете.

Ну, поцелуй меня ещё раз.
Нельзя, я знаю. Ну, хоть раз-то
Ещё услышать можно голос?
Скажи: „Tu me acostumbraste”.

Ещё: „Ты мне родней родного,
Как жаль, что для меня ты мёртв.
Меня петлистая дорога
Из Монте-Карло ввысь ведет.”

Ещё: „Ты научил меня всему,
Хоть лгать и целоваться я умела.
Как жаль, что ты ничей уж муж,
Ведь не живет душа без тела.”

А вот и да, живет. И даже вечно,
Если есть Бог, и люди, и вино.
В последний раз: „Бесчестье есть увечье”.
Вот отзвук правды кровавой!

Солнце

M.AGRIPPA.L.F.COS.TERTIVM FECIT

– Надпись на фризе Пантеона

У нее даже кличка была такая, Заря.

– Из рассказа одной сутенерши

Красота! Этот тип её объективен.
Как *Богу угодно* или *Приказал Сталин*.
Да что там солнце, обычный ливень
Не щадит весенних проталин.

По сравнению с ней, лепет горлинок
Неубедителен и бутафорен.
Слов значение недомолвленных
Чтоб понять, с ней опасно спорить.

Счастлив любящий оспоримость
Худобы, морщинок, духов от Гисси,
Камерность чувства, где пудры примесь,
А не оркестра громаду могучую.

Как соборность эта тоталитарна!
Как всеобъемлющ её концлагерь.
Не Замоскворечье это, не Ольтарно,
А Рафаель в мраморном саркофаге.

Повелел Агриппа на куполе Пантеона,
И всё. Как обширны её струны и медь!
Да воздастся сторицей тому глухому,
Что не хочет на солнце смотреть.

Кащей

Я тебе оставил мировоззрение.
Сживешься ли ты с ним?
Как скрытое торфа горение,
В тебе я неисследим.

Это мной завещанное наследие.
Справишься ли ты с ним?
Оно как энциклопедия,
Но вместо обложки нимб.

Оно называется уникальность.
Поймешь ли ты, цепenea:
Только цианистый калий
Вечности яда сильнее.

Оно переходит в бессмертье,
Но игла остается внутри.
Уколота раз, так доверься.
Уколота дважды, умри.

Неизвестной

Именно эмоции способствуют
появлению первых морщин.

– Из интервью с косметологом

Мы говорим: mens sana in corpore sano.
Но ведь наоборот: дух веет, где хочет.
О кукольность ума! О волосы с лавсаном!
А про себя: зачем любовь порочить?

Двадцатый век! То не твои ли передряги?!
Свобода мысли, Ротшильда загадка, тайна трех...
О демократия! О, как тебе мы доверяли!
А оказалось, баня: пар да свальный грех.

В пивном дыму, в распущенном угаре,
На тротуарах женщины разлиты, как вино.
Мы отвергаем все, что Бог нам дарит,
Нам грезятся плоды судьбы иной.

Причем здесь мысль, и даже наслаждение,
Когда каприз и скука наши боги,
Когда, детьми познавши их знамения,
Мы выбираем в ветреность дороги?

К лозе здоровой нам уж не привиться,
Хоть соль земли ещё не потеряла вкус.
Самовлюбленностью насурмлены ресницы
И маки-губы от помады лгут.

Вот наша песнь, мой милый век двадцатый.
Твой эгоизм нам ввел токсин подкожно.
Не нужно слёз. Нужны лишь шприц да вата.
Жить хорошо. Да жаль, что невозможно.

Лат. „в здоровом теле – здоровый дух”. В косметической процедуре Ботокс под кожу впрыскивается яд ботулин. Петербургское эскорт-агенство, где она работала до выезда в Англию, называлось Эгоист.

А позвольте вас спросить, долго вы меня ждали?

– А. Н. Островский, „Бесприданница”

Теперь не жалуйся. Что было, то прошло.
Забытой ласки свет уж не согреет:
Бессильный блеск, тщедушный, как крюшон,
Бесплотный лоск тщеславия в фужере.

Не вспоминай труды и дни. Они мертвы.
Мертвы секреты, планы, интермедии.
Ты панихиду закажи, ведь в церкви быть
Приличней, – не как дома, где соседи.

Не умирай. Твоя любовь еще жива.
Она вошла в историю как битва.
Поверь, что так фундаментально в нас,
Нельзя исправить судорожно бритвой.

Записка в сейфе

Тебе пора меня бросать:
Не пресладилась плачем ива ль?
На страстной вербе не роса ль?
Но не бросай так молчаливо

Меня, как взгляд в толпу людей,
Брошенный беглой самозванкой,
Как вазы крупных орхидей
И камни недурной огранки

Бросаются в зеркальный омут глаз
Тихонь, как ты. Послушай, как ты можешь
В ящик, что верность бы сожгла,
Бросать те письма, как цветы из ложи?

Укоры оперны, отельны зеркала.
Ты всё идешь к молчанию как к цели.
Когда-то я тебя мечтал расколдовать
Этими письмами из лондонских отелей.

Паоло – Франческе

Не изучали мы грамматики обьятий,
Одни предлоги, да и те поспешно,
По вечерам, в моей кривой скворешне.
И синтаксис любви тебе был непонятен.

Как пряжа паялся и путался глагол.
Активность действия свою вносила лепту.
Усилием прилежного адепта
Могла его ты сделать цель благой.

Но вот скандал. Нас тут же рассадили.
Теперь невмоготу мне душный класс,
Где сотней окон мутного стекла
Равенна смотрит сцены в водевиле.

Видно, нам не хватало хитрой сводни
Учебников, пособий, карт, мелков...
Усвой же, милая, пусть это нелегко:
И я не грамотей. Я вечный второгодник.

Изида

Если сам факт, что фатум лишь однажды
Выводит нас на кладезь крупных слёз,
Не убеждает всех моих сограждан,
Кому узреть её не довелось,

На мрамор умывальника смотрите:
Вот кольца с её рук, заколки, гребень...
Хоть и недешево влюбленности наитие,
Хватай его, редчайший в жизни жребий!

Богиня света, как их там по отчеству,
Тотчас к вам явится с кошелкой озарений,
И будет вам и песня, и пророчество,
И подготовка к наступающей измене.

И жатвы раж. Пространства однополье.
Свист жаворонков в оперении Верди.
Парное молоко и дыры в частоколе,
Чтобы залезть в участок дачной тверди.

Так грянет осень, вся сапфир да сено.
И вот, отведав пансионного кефира,
Любви патриций не вскрывает вены:
Он хочет верить в бесконечность мира.

Но как? Ведь клином свет сошелся.
Слепящий свет снопом осенним связан.
Богиня, помоги! В твоей кошелке
Нет ли чего для следующего раза?

12 июля 2004

С тобой мы свидимся опять.
Да, жизнь – это трактат о встрече.
Зачем всё делать второпях?
Судьбе не следует перечить.

Ты изумишься, как и я.
Откинув голову, затынешься мальбóро:
Свиданья грустный макияж,
Очарованья светская опора.

Всё это вымысел, фантазм да маета.
Тебя увидеть было б страшным чудом:
Как женщинам, увидившим Христа
Воскресшего, не вспомнить про Иуду?

Вот так и я, дрожащий лист в ненастье,
Что между нами распрей пролегло,
Не помню ни крещенья, ни причастья,
А лишь твоих висков богемское стекло.

В прозрачности, скрывающей ход мысли,
В голубоглазой тайны скорлупе,
Росинки слёз нередко висли
Пока не осушил их St. Tropez.

Заплачь опять при нашей встрече.
Заплачешь? Хочешь, заплачú?
Судьбе не следует перечить.
Но встреч таких я не хочу.

История

To resist was fatal, and it was impossible to fly.

– Edward Gibbon, *The History of
the Decline and Fall of the Roman Empire*

Я так тобой дышал. Мое дыханье
Вдохнуло б жизнь в обыденную глину.
О нет, не Бог! Твое непониманье
Из тела душу мне грозило вынуть.

Вот тихий летний день. Вот солнце село.
Струится свет, твоих волос янтарь.
И лондонских оград кирпич замшелый
Одушевлен мной. Так бывало встарь.

Теперь бетон. Асфальта жаркий роздых.
Рябь в воздухе, нагретая как валенок.
Апокриф чувства, низведенный в прозу,
Как жалок он, как до беды буквален!

Он раскален до набережной Темзы.
В нем нет тепла, лишь лихорадки жар.
Больной в удушье! Челси безвозмездно
Богатство жрет, словно железо ржа.

Теперь хоть дуй, хоть нет. Dum spiro spero¹–
Это для нищих плотью. Ну а нам
В каком-нибудь расхожем англетере
Вздыхать по добрым старым временам.

¹ Лат. „Пока дышу, надеюсь”. Челси – богатый район Лондона. Эпиграф из первой части *Истории падения Римской империи* Гиббона: „Всякая попытка сопротивления была обречена, а побег – невозможен”.

Содержание

Chatillon-Paris	9
На дискотеке	10
Подруга	11
Голубой ангел	13
Пять этюдов	14
Зодиак	15
В. Р.	17
Страшная красота	18
Признание	19
Кокаин	20
Ночной паром	23
Жатва	24
Басни	25
Флоренция	26
Палермо	27
Blakes Hotel	28
На рассвете	29
Porto Rotondo	30
Троя	31
Bond Street	33
Эвридика	34
Благовещенье	35
Развлечения	36
Об этой книге	38
До меня доходят самые разные слухи...	39
Гололедица	41
Постскрипtum	42

Пенелопа	43
Разговор с цыганом	45
Дар	46
Голос	48
Солнце	49
Кашей	51
Неизвестной	52
Теперь не жалуйся...	54
Записка в сейфе	55
Паоло – Франческе	56
Изида	57
12 июля 2004	59
История	61

